

Ричард Тедор

ТАЙНЫЕ ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ СТАЛИНА

Почему Гитлер вторгся в Советский Союз

Статья из американского журнала The Barnes Review, за ноябрь/декабрь 2000 г., стр. 27-33.
The Barnes Review, 645 Pennsylvania Ave SE, Suite 100, Washington D.C. 20003, USA.

Автор: Ричард Тедор, эксперт по событиям в Европе во время Второй мировой войны;
Переведено на немецкий язык Мартином Фрайбургом с дружеского разрешения TBR.

Перевод © The Scriptorium в 2002 году.

Когда немецкие вооруженные силы 22 июня 1941 года вторглись в Советский Союз, Берлин представлял миру это нападение как превентивный удар ввиду угрозы советской агрессии. Это утверждение полностью отвергалось как нацистская пропаганда. Тем не менее, недавно раскрытые доказательства из советских источников четко показывают, что внешняя политика Москвы отнюдь не руководствовалась соображениями нейтралитета, когда в Европе в 1939 году разразилась война.

Советский Союз рассматривался как государство-изгой, так как он пытался бороться с установившимися социальными и политическими структурами с помощью международной подрывной деятельности, вооруженного вмешательства и терроризма. СССР выступал за падение всех капиталистических режимов и поддерживал антиколониальные «движения за независимость» на слаборазвитых территориях. «Это, несомненно, спровоцирует против нас господствующие классы великих держав», говорил в 1929 году генеральный секретарь Коммунистической партии Иосиф Сталин перед Центральным комитетом. (1)

В 1930-е годы Сталин, ставший теперь диктатором СССР, следил за тем, как укрепшая Германия под руководством Адольфа Гитлера прилагала все усилия к пересмотру послевоенной структуры Европы, установленной в ней Соединенными Штатами, Англией и Францией. Сталин и Гитлер, таким образом, оба противостояли Западу.

СССР был аграрным государством, богатым полезными ископаемыми, и старался превратиться в ведущее индустриальное государство. Больше половины необходимого для промышленности оборудования СССР закупал в США. Германия экономически выживала с помощью обмена своих товаров широкого потребления и промышленного оборудования на сырье. Для немецко-советского сотрудничества поэтому была плодотворная почва.

Вверху немецкое кладбище в Литве. С июня по сентябрь 1944 года немцы потеряли больше миллиона солдат – одни погибли в боях против Советской Армии, другие умерли из-за жутких морозов.

3 мая 1939 года Сталин снял с должности народного комиссара (министра) СССР по иностранным делам Максима Литвинова. Так как именно Литвинов заключил ранее союз с Чехословакией и Францией, он идентифицировался с антинемецкой политикой, это можно было рассматривать как благожелательный жест по отношению к Германии. Спустя всего несколько дней Георгий Астахов, дипломатический советник Советского Союза, поблагодарил в Берлине немецкое Министерство иностранных дел за тот почтительный тон, который пресса Рейха недавно начала использовать по отношению к СССР.

Той весной Лондон и Париж пригласили Москву подписать вместе с ними англо-французскую гарантию, которая должна была защитить Польшу и Румынию от немецкой агрессии. Советы поставили в качестве условия ее подписания разрешение со стороны Польши и Румынии на прохождение советских войск по их территории в случае войны. Польша отказалась. Затянувшиеся переговоры между СССР и союзниками Запад вел впустую; западные военные эксперты были весьма невысокого мнения о Красной армии.

12 августа Москву посетила англо-французская военная миссия. Советский Союз на этих переговорах представляли начальник генерального штаба Борис Шапошников, народный комиссар обороны Климент Ворошилов и нарком военно-морского флота адмирал Николай Кузнецов. Запад послал лишь второразрядных переговорщиков с ограниченными правами. Советы были оскорблены.

В августе Сталин решился на соглашение с Гитлером. Пакт о ненападении с Германией гарантировал Советскому Союзу ощутимые преимущества. Советы возвратили бы себе восточную Польшу, которая ранее входила в состав царской России. Немцы обещали поддержку прав СССР на Бессарабию и соглашались, что восточноевропейские балтийские государства и балканские государства принадлежали к советской «сфере влияния».

Германия готовилась к тому, чтобы вторгнуться в Польшу, если бы территориальные споры и связанные с этим проблемы не удалось бы решить мирным путем. Англия и Франция поддержали поляков. Сталин думал, что если он заключит военный договор с Западом, эта могущественная коалиция, возможно, удержала бы Гитлера от начала войны.

Однако немецко-советский пакт о ненападении дал Гитлеру свободу действий, чтобы войти в Польшу. Англия, как союзник Польши, объявила бы Германии войну, втянула бы в пожар медлящую Францию, а Италия встала бы на стороне Гитлера. Советская формула национальной безопасности основывалась на том, чтобы обострять противоречия интересов между «империалистическими» нациями и сохранять нейтралитет, в то время как эти государства истощали бы свои ресурсы в продолжительной борьбе.

Сталин объяснил эту предпосылку в своей речи от 10 марта 1939 года в Москве:

«... Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, – следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление – .... дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия». (2)

23 августа 1939 года немецкий министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп был в Москве. Он и Молотов подписали исторический германско-советский пакт о ненападении. Следующим вечером Сталин угощал самых видных членов советского политбюро у себя на квартире. Среди гостей находились Молотов, Ворошилов, Лаврентий Берия и Никита Хрущев.

Как позже вспоминал Хрущев, Сталин сказал, что он рассматривал войну с Германией как неизбежную, но он на время перехитрил Гитлера и выигрывал этим время. Советский премьер описывал договор с Германией как игру «Кто кого обманет». (3) Он сделал из этого вывод, что Советский Союз оказался в выигрыше, как с точки зрения морали, так и с военной точки зрения. Не-

сколько месяцев позже советский Наркомат (министерство) иностранных дел в телеграмме в свое полпредство (посольство) в Токио объяснило решение Сталина так: «Ратификация нашего договора с Германией диктовалась необходимостью иметь войну в Европе». (4)

25 августа 1939 года швейцарский журнал *Revue de droit international* напечатал текст речи, которую Сталин 19 августа произнес на закрытом заседании Политбюро в Москве. Сей текст цитировался так:

«Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию.... Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет..... В интересах СССР..., чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон». (5)

В ноябре Сталин в газете «Правда» ответил, что швейцарская статья является «нагромождением вранья» (6) (Российская исследовательница Татьяна Бушуева в 1994 году обнаружила оригинал текста Сталина в бывших советских архивах; он совпадал со швейцарской версией).

Внутри СССР проводилась интенсивная программа перевооружения. В 1938 году производство вооружения и военной техники выросло на 39 %, в сравнении с 13 % роста в гражданской промышленности. Основное внимание уделялось производству танков, развитию артиллерии и самолетостроению. В сентябре 1939 года Наркомат обороны СССР распорядился о строительстве девяти авиазаводов и еще семи заводов для производства авиационных двигателей.

Это дополнялось перестройкой большого числа гражданских предприятий на изготовление комплектующих деталей для авиапромышленности.

В 1940 году производство современных боевых самолетов в СССР выросло более чем на 70 % по сравнению с предыдущим годом. Параллельно усиливалось вооружение и сухопутных войск. С января 1939 по июнь 1941 года Красная армия получила более 7000 новых танков и 82000 артиллерийских орудий (включая минометы).

26 июня 1940 года был издан закон, увеличивавший рабочий день с семи до восьми часов, и вводивший семидневную рабочую неделю. Начали приме-

няться дисциплинарные процессы из-за медлительности и лени на фабриках, направленные против рабочих. Такие мероприятия применяются обычно в военное время.

Увеличение срока военной службы позволило пополнить ряды Красной армии. Вооруженные силы, насчитывавшие весной 1938 года один миллион человек, до июня 1941 года превысили 5 миллионов. Историк Роджер Риз так обобщил этот рост: «В 1941 году в Красной армии было 198 стрелковых дивизий, по сравнению с меньше чем 30 в 1927 году; 31 моторизованная дивизия в 1941 году и ни одной в 1927; 61 танковая дивизия в 1941 году и ни одной до 1939 года». (7)

Дух, наполнявший армию, разъяснялся в пересмотренном в 1939 году издании устава полевой службы Красной армии. Устав констатировал, что если Советской России «навяжут» войну», мы будем вести войну наступательного характера и перенесем ее на территорию врага». (8)

В декабре 1938 года американский военный атташе в Швеции так передавал свою оценку Красной армии в военное министерство:

«Солдаты – практически все крестьяне и обычные рабочие..., которые постоянно подпитываются потоком пропаганды, восхваляющей прелести коммунизма и заверяющей их, что они приносят в настоящем некоторые жертвы, чтобы он смог восторжествовать, наконец, во всем мире. Невероятно наивные и совсем ничего не знающие об условиях вне России, многие из них действительно почти фанатичны в своем рвении к тому, что для них изображают как святой крестовый поход, ради спасения их собственного класса от подлых угнетателей». (9)

Война в Европе развивалась не так, как прогнозировал Сталин. Весной 1940 года англичане вынуждены были уйти с континента. Немецкая армия захватила Францию в июне без существенных потерь. Наземные сражения закончились, а Англия и Германия так и не были «достаточно истощены». Хрущев позже описывал, как необычно рассердился Сталин после француско-немецкого перемирия в июне 1940 года. Он проклинал французов, потому что те дали себя разбить, и англичан за то, что они убежали «так быстро, как их несли ноги». (10)

Всего за несколько дней до капитуляции Франции Советы овладели изрядной частью Восточной Европы. В сентябре и октябре 1939 года советское правительство выторговало согласие Литвы, Латвии и Эстонии на создание военных баз в их балтийских портах. В июне 1940 года Молотов из-за якобы плохих мер по обеспечению безопасности для советского гарнизона выставил

претензии литовскому премьер-министру Анастасу Меркису; якобы произошло нападение на одного солдата Красной армии. 14 июня Молотов передал литовскому министру иностранных дел ультиматум, который требовал усиления советского контингента войск, чтобы предотвратить последующие «провокации». Крохотная республика согласилась.

Похожие ультиматумы были поставлены Латвии и Эстонии. 21 [июня] балтийские государства после псевдовыборов были объявлены Советскими Республиками. Молотов сказал литовскому министру иностранных дел 30 июня, «Теперь мы больше чем когда-либо убеждены в том, что великий товарищ Ленин не был неправ, когда утверждал, что Вторая мировая война приведет нас к власти в Европе, также как Первая мировая война привела нас к власти в России». (11)

Когда Москва 23 июня представила свое требование снова занять Бессарабию, тогдашнюю восточную провинцию Румынии, Риббентроп заявил о поддержке этого Германией. Он только просил, чтобы независимость остающейся собственно румынской территории была бы обеспечена, чтобы гарантировать экономические интересы Рейха.

На этом абсурдном пропагандистском плакате написано: «Воин Красной армии, спаси!» Русские люди были легковерны и склонялись к тому, чтобы верить коммунистической пропаганде. Результатом стало то, что они решительно сражались против агрессоров.

Защитники СССР – а они многочисленны среди историков и социологов в демократических странах – оправдывают эти советские территориальные за-

хватывали как оборонительные мероприятия. Опасность возможной немецкой агрессии якобы принуждала Москву к тому, чтобы она расширяла границы СССР, дабы ослабить удар немецкого наступления. Эта предпосылка игнорирует тот факт, что советские операции в Прибалтике и в Бессарабии происходили против собственно незащищенной немецкой границы. Четыре немецкие пехотные дивизии и шесть резервных дивизий защищали демаркационную линию с Советским Союзом. Две дивизии в июне были переброшены на западный фронт.

Сталин обладал блестящей шпионской сетью, которая своевременно и со всеми подробностями оповещала его о немецких планах. От его шпионов не могло ускользнуть то, что они видели (и доносили): что в то время немецких планов для вторжения в СССР еще не существовало. Настроение в «Иностранных армиях Востока», разведывательного отдела в немецком генеральном штабе, занимающегося Красной армией, так описывалось в июле 1940 года служившим там майором Эрихом Хельмдахом:

«Я нашел в отделе настоящие мирные условия. Воздушная война против Англии вызывала гораздо больший интерес. Не было и следа «подготовки к войне», разве что советский фильм «Прорыв линии Маннергейма», документальный фильм о советской зимней войне в Финляндии, был показан офицерам генерального штаба. Резюме фильма со стороны полковника (Эберхарта) Кинцеля было ограничено одними лишь пренебрежительными наблюдениями о военных достижениях Красной армии и об ее устаревшем вооружении». (12)

Насколько мало сами Советы принимали всерьез предлог «национальной безопасности», освещается замечаниями Молотова, которые он сделал в речи перед Верховным советом СССР 1 августа 1940 года. Упомянув успешную внешнюю политику СССР, он констатировал, что Советский Союз не должен довольствоваться тем, что уже было достигнуто. Нарком иностранных дел, ссылаясь на слова Сталина, провозгласил, что народ должен поддерживать состояние мобилизации, чтобы добиться дальнейших успехов: «Мы добьемся новых и даже еще более блестящих побед для Советского Союза». (13)

Тем летом дипломатические отношения с Германией ухудшились. Когда Советы осуществляли политическое давление, чтобы добиться контроля над производством никеля в Финляндии (немцы заключили договор на покупку 75 % продукции), Гитлер занял финские никелевые шахты при Петсамо элитными подразделениями горных стрелков. После того, как Красная армия заняла Бессарабию, фюрер подписал с Бухарестом договор, который обещал защитить Румынию от агрессии.

В ноябре 1940 года Молотов отправился в Берлин, чтобы вести переговоры с Гитлером и Риббентропом. Во время переговоров советский министр настойчиво критиковал пребывание немецких войск в Финляндии и гарантию защиты безопасности Румынии. Это, как он протестовал, было нарушением советской сферы влияния. Молотов противился всем обоснованиям, которые приводил Гитлер. Список требований для советских преимуществ в практически каждой местности, где Германия и Советский Союз имели свои интересы, который Молотов во время последнего заседания просто высыпал на Риббентропа, превратил дипломатический обмен в провал.

Тут возникает вопрос, чего стремился достичь Молотов этими переговорами, если он, очевидно, выдвигал заведомо неосуществимые требования. Современный немецкий историк Вальтер Пост предлагает такой анализ:

«Москва должна была опасаться, что немцы либо покончат с Англией с помощью морского десанта, либо Англия из-за своей военной слабости и скверного финансового положения будет готова к поиску мирного компромисса с Рейхом. Советский Союз тогда остался бы в одиночку против Германии, контролировавшей ресурсы всего европейского континента. Далее Советский Союз видел опасность сотрудничества всех капиталистических держав, включая англосаксов, против СССР. Чтобы предотвратить эту возможность, Англию нужно было поощрить к продолжению войны... Чтобы укрепить эту надежду и предотвратить немецкую десантную операцию против Англии, Москва должна была искать конфликт с Германией. Под угрозой советского продвижения в направлении Скандинавии и Балкан Гитлер не мог пойти на риск операции «Морской лев» (план вторжения против Англии). Вместо этого он должен был перебрасывать сильные соединения своих вооруженных сил на восток, чтобы защитить источники снабжения Германии никелем, строевым лесом и зерном». (14)

В декабре 1940 года советская разведка получила в свои руки совершенно секретную инструкцию, которая 18 декабря была разработана фюрером. Она начиналась словами, «немецкие вооруженные силы должны готовиться к тому, чтобы победить Советский Союз быстрой кампанией еще до окончания войны против Англии». (15) Этот документ содержал общие военные операционные цели на востоке и предполагал, что подготовка должна быть закончена до 15 мая 1941 года.

В конце 1940 года внимание Гитлера обратилось к Юго-Восточной Европе. Германия была единственной большой державой, которая могла защитить Балканы от советской агрессии. Потому для усилий Риббентропа было полезно убедить Венгрию и Румынию присоединиться к тройственному пакту,

немецко-итальянскому союзу, в ноябре 1940 года. Болгария последовала за ними 1 марта 1941 года.

Целью Гитлера было уладить местные пограничные территориальные разногласия и срочно просить согласия на переброску немецкой армии через Румынию и Болгарию для нападения на Грецию. Молотов бомбил немецкое посольство в Москве официальными нотами протеста. Германия, возмущался он, в пакте о ненападении, заключенном в августе 1939 года, признала, что эти государства принадлежат к советской сфере влияния. (Оккупация Советским Союзом балтийских государств в июне 1940 года хорошо демонстрирует, что понимала Москва под словами «сфера влияния»).

Еще более острая конфронтация разгорелась из-за Югославии. Хотя югославское правительство уступило немецкому давлению присоединиться к тройственному пакту, фракции внутри правительства и армии получали тайную поддержку от Англии, Соединенных Штатов и Советской России. Во время посещения британским министром иностранных дел Энтони Иденом Анкары югославский посол там сказал ему, что Москва заверила его, мол, если на Югославию нападут немцы, то СССР будет готов помочь югославам защищаться.

27 марта 1941 года прогерманское югославское правительство было свергнуто в результате государственного переворота. Гитлер поручил своему генеральному штабу подготовить вторжение. Немецкая группа армий, которая стояла в Болгарии, чтобы нанести удар по Греции, одновременно вошла бы в Югославию и получила бы поддержку от других немецких войск, которые переместились бы в южную Германию.

Новое югославское правительство стремилось к военному союзу с СССР. Послу Югославии в Москве Милану Гавриловичу Сталин сказал: «Я надеюсь, что ваша армия сможет задержать немцев на долгое время. У вас есть горы и леса, в которых от танков мало толку». (16) Он настаивал, чтобы югославы организовали партизанскую войну. Затем Гавриловича направили к Молотову, который заявил ему, что он стал «жертвой недоразумения, так как никогда не было никаких намерений о заключении военного союза с Югославией или о военной поддержке Югославии». (17) Соединения Красной армии у западной границы лишь на четыре дня были приведены в боевую готовность, после того, как немцы в апреле атаковали Югославию. Это произошло в намерении заставить Гитлера укрепить свою оборону против СССР и уменьшить давление на югославскую армию.

Это бряцание оружием Советов было редким открытым выражением советского военного присутствия в западной зоне. В общем, советские средства

массовой информации отрицали концентрацию своих войск вдоль границы. Народный комитет обороны с лета 1940 года секретно перебрасывал туда боевые дивизии.

В апреле 1941 года военным округам в Урале и в Сибири было приказано подготовить для отправки на Запад еще больше частей и соединений. 13 мая были переброшены следующие 28 дивизий, 9 штабов корпусов и 4 штаба армии из внутренней части России. Согласно недавним оценкам из российских архивов советские вооруженные силы по июнь 1941 года собрали 2,7 млн. человек поблизости от западного фронта, что равняется 177 дивизиям. (18)

Эта огромная военная сила располагала более чем 10 394 танков, из которых более 1300 были самыми сильными танками типов KV и Т-34. Армию поддерживали почти 44 000 артиллерийских орудий и минометов. Более 8000 боевых самолетов занимали полевые аэродромы у границы. Западные военные округа устраивали передовые командные пункты поблизости от границы. Армейские штабы и персонал фронтового управления переводились туда в середине июня.

Сто советских дивизий располагались только в восточной Польше. Большая часть танковых и моторизованных соединений размещались поблизости от Белостока и Львова за географическими излучинами, которые находились в западном направлении вдоль немецко-советской демаркационной линии. Иван Баграмян, в 1941 году полковник Красной армии, в своих вышедших в 1972 году мемуарах так писал о распределении войск на территориях вокруг Львова: «Мы рассматривали их в качестве превосходного стратегического плацдарма, на тот случай, если бы мы должны были начать крупномасштабные наступательные операции. Это не случайность, что два наших полностью отмотелизованных и наиболее боеспособных моторизованных корпусов, четвертый и восьмой, были сконцентрированы именно там». (19)

Что касалось района Белостока, советский генерал-майор Петр Григоренко позже представлял такую перспективу:

«Больше половины войск Западного Особого военного округа располагались вокруг Белостока и к западу от него, и тем самым на территории, которая как клин глубоко врезалась в территорию возможного противника. Распределение войск такого рода было бы оправдано только тогда... если эти войска были предусмотрены для внезапного нападения. Иначе половина их могла бы мгновенно быть окружена». (20)

Здесь «реакционным» классическим кириллическим шрифтом написано: «Кто с мечом к нам пришел, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская». Это было написано князем Святым Александром Невским (1220-1263). Во время Второй мировой войны сталинская Россия на короткое время стала самой консервативной страной в Европе.

Философия Красной армии была направлена на наступление. Начальник генерального штаба Георгий Жуков так описывал обучение в академии генерального штаба:

«Участников курсов учили, что войны больше не объявляются; агрессор гораздо больше стремится к тому, чтобы обеспечить себе все преимущества внезапного нападения... Стратегия ведения войны зафиксирована, прежде всего, в правильном тезисе, что агрессора можно разбить только наступательными операциями. Другие аспекты ведения войны, как, например, контратаки, арьергардные бои и операции в случае окружения, за немногими отдельными исключениями рассматривались только между делом». (21)

В мае 1941 года Жуков и маршал Семен Тимошенко разработали оперативный план боевого порядка и действий Красной армии на случай войны с Германией. Он основывался на первоначальном плане, который был внесен Сталиным в прошлом сентябре. Документ включал следующие рекомендации:

«В целом Германия и ее союзники могут выставить 240 дивизий против Советского Союза. Если учесть, что Германия ввиду расположения своих тыловых служб может в любое время держать свою армию наготове, она могла бы опередить нас и осуществить внезапное нападение. Чтобы предотвратить это и разбить немецкую армию, я признаю необходимостью не предоставлять инициативы немецкому командованию ни при каких обстоятельствах, а опередить врага и атаковать немецкую армию тогда, когда она еще не будет в готовности, и не подготовила еще фронт, и еще не может организовать боевые действия вооруженных сил своих союзников». (22)

5 мая Сталин и избранные советские высокопоставленные лица посетили торжественные мероприятия по случаю выпуска в Военной академии имени Фрунзе в Москве. Во время последующего банкета Сталин произнес несколько многословных тостов. Сокращенная копия замечаний Сталина этого дня была, наконец, обнаружена в советских архивах российским историком Львом Безыменским в 1992 году и опубликована в мартовском номере журнала *Osteuropa* («Восточная Европа»).

Сталин хвалил модернизацию Красной армии. Он упрекнул генерала Михаила Хозина, начальника Академии имени Фрунзе, когда тот провозгласил тост за миролюбивую внешнюю политику СССР. Диктатор дополнил нежелательное изречение такими словами:

«Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры, до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы.

А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная». (23)

Российские архивы никогда не публиковали не подвергнутый цензуре текст речи Сталина перед выпускниками военной академии. Тем не менее, выпущенные места могут быть раскрыты с помощью показаний четырех советских офицеров, которые присутствовали на торжестве. Майор Иван Евстифеев, майор Письменный, генерал-майор Андрей Наумов и генерал-майор Василий Малышкин, которые были взяты немцами в плен, не имели контакта друг с другом во время плена, но их воспоминания о замечаниях Сталина практически идентичны.

Свидетели говорили, что Сталин обозначал «оккупацию» Болгарии и переброску войск в Финляндию как «причины для войны против Германии». (24) В дискуссии о готовности Красной армии Сталину сообщил о предусмотренной для нее цели:

«Для нас военные планы готовы... В течение следующих двух месяцев мы можем начать борьбу против Германии. Это может удивить вас, что я объявляю вам наши военные планы, но так должно быть. Мы должны сделать этот шаг для нашей обороны и чтобы отомстить за Болгарию и Финляндию. С Германией есть мирный договор, но это только иллюзия, занавес, за которым мы можем работать». (25)

В тот же самый день 5 мая управление военной пропаганды получило директивы о «заданиях политической пропаганды для Красной армии в непосредственном будущем». Программа констатировала, что «военнослужащие Красной армии должны быть подготовлены к справедливой, наступательной войне». Далее она подчеркивала «нынешнее понимание среди многих солдат Красной армии, ее командиров и политработников, что немецкая армия... должна быть уничтожена». (26)

Спустя десять дней Сталин продиктовал свою личную директиву для Красной армии:

«Современное международное положение, которое полно разнообразными неожиданностями, требует революционной решительности и продолжительной готовности осуществить уничтожающее нападение на противника... Солдат следует обучать в духе активной ненависти против врага и в стремлении вести борьбу против него и быть готовыми защитить наше отечество на вражеской территории и нанести ему смертельный удар». (27)

Вдоль границы немецкие и советские армии концентрировались для предстоящего столкновения. Немецкие самолеты-разведчики часто летали для ведения наблюдения за Красной армией. Сталин издал строгие приказы, запрещавшие его войскам стрелять по этим самолетам. Советская армия, силы которой немецкая разведка очень сильно недооценивала, продолжала вместе с тем увеличиваться. «Вся резервная мощность всей национальной железнодорожной транспортной системы использовалась в этой большой тайной операции», заметил бывший советский штабной офицер Виктор Суворов.

Он указывает на то, что эта огромная сила советских войск не могла, как утверждал тогда Молотов, собираться на Западе для летних маневров.

«Мобилизованные дивизии не смогли бы возвратиться в удаленные области, из которых они прибыли. Такое предприятие снова на многие месяцы использовало бы все ресурсы железнодорожной сети и закончилось бы экономической катастрофой». (28)

Состояние этих соединений в 1990 году было рассмотрено в книге Суворова «Ледокол»:

«Основой советской стратегии была теория «глубокой операции»... Ударная армия должна была осуществлять... такие удары на глубину. Созданные для решения наступательных задач, эти ударные армии обладали... значительной массой артиллерии и пехоты, целью которых было проломать оборону противника, и одним-двумя механизированными корпусами по 500 танков в каждом... 21 июня 1941 года все советские армии у немецкой и румынской границы соответствовали... советским стандартным нормам ударных армий». (29)

Было невозможно поддерживать такую массу войск для защиты против возможного немецкого вторжения на длительный срок. Местность не предоставляла достаточных возможностей для зимних квартир, а также не хватало мест для учений, таких как полигоны и стрельбища, необходимых для поддержания боевой готовности армии. Сам Шапошников подчеркивал необходимость вскоре после развертывания у границы приступить к сражению; в противном случае не только солдаты утратят свой боевой дух и чувство боевой готовности, но и такое скопление войск может лишь на ограниченное время оставаться в секрете от вероятного противника.

Нет ни политических, ни военных открытых документов, которые называли бы дату внезапного советского нападения против Германии. Советские офицеры, которые попали в плен во время боев, в своих показаниях говорили, что многие ожидали приказа к наступлению в августе или сентябре 1941 года. Некоторые высказывались, что нападение было запланировано на начало июля.

Тем не менее, советское руководство столкнулось с серьезной проблемой. Сталин получал сообщения, что немцы готовились к вторжению в Советский Союз в июне. Его войска на фронте были в состоянии лихорадочной реорганизации. Части получали новые предписания, происходило обучение новобранцев, у многих частей еще не было достаточного количества личного состава. Другие дивизии все еще были в пути в железнодорожных эшелонах. По оценкам армия не могла быть готова к войне до конца августа. Эта дилемма так освещается Вальтером Постом:

«Быстрый прогресс немецкого развертывания и накапливающиеся сообщения о намерении немцев атаковать во второй половине июня, поставил советское командование перед проблемой, либо перестраивать все военные планы на стратегическую оборону, либо ускорить свой собственный календарный план для нападения... Стратегическая оборона означала бы тоталь-

ное изменение распределения войск, что не могло быть достигнуто за такое короткое время из-за недостаточной пропускной способности железнодорожной сети... У советского командования не было к этому позднему часу никакого другого выбора, кроме как удерживать равновесие, как можно лучше маскировать свои собственные развертывающиеся войска и надеяться на то, что у них будет достаточно времени, чтобы пополнить концентрацию своих войск, и начать наступление согласно своему плану». (30)

Раненый русский, попавший в плен в бою, получает первую помощь от финской медсестры в полевом госпитале. Коммунистические политруки убеждали советских солдат, что если они попадут в плен, финны будут их пытаться или расстреляют. Вопреки этим лживым предупреждениям много солдат в итоге сдались финнам и оставались живыми и невредимыми, когда война закончилась.

Советы надеялись, что если немцы ударят первыми, их удар не будет решающим. «Они чувствовали, что армии прикрытия вполне смогут отразить нападение противника, в то время как основные советские силы были бы отобилизованы и развернуты, чтобы перейти в контрнаступление». (31) Как сообщает немецкий историк Макс Клювер, Красная армия была «в каждой из своих сфер обучена для наступления и подготовлена для способности отвечать на нападение противника немедленным контрударом». (32)

Тем не менее, советский генеральный штаб упустил момент, чтобы правильно оценить, как быстро немецкая армия смогла бы начать наступление после прибытия к границе. Шапошников оценивал этот срок от 10 до 15 дней. К неприятной неожиданности Красной армии немецкие танковые и моторизованные дивизии ударили со всей яростью, после того, как они достигли границы. Показания пленного генерала Андрея Власова на эту тему были так обобщены одним офицером немецкой разведки:

«Советы уже в начале года приступили к развертыванию, но из-за плохих советских железных дорог оно происходило довольно медленно. Гитлер прекрасно оценил ситуацию и нанес удар по Советам как раз тогда, когда они развертывались. Именно так Власов объяснил первоначальный огромный успех немцев». (33)

Как каждая новая концепция, которая противоречит привычным представлениям, предположение, что Гитлер только с технической точки зрения был агрессором в германско-советской войне, столкнулось с сопротивлением. Среди противников ревизионистской позиции выделяется американский военный историк Дэвид Гланц, который приводит новые доказательства в защиту установившихся представлений господствующих кругов. Как авторитет в вопросах советской военной истории Гланц предлагает обширный анализ Красной армии 1941 года в своем исследовании *Stumbling Colossus* (русское издание – «Колосс поверженный»). Он аргументирует, что среди прочих обстоятельств, быстрый рост после 1939 года сделал советские войска неготовыми к проведению военной операции такого большого размера как предполагаемое превентивное наступление против Германии. Советские командиры, как они были показаны в их военных журналах того времени, «показывали ясное советское признание замечательных немецких военных достижений... и несомненное понимание того, что советская армия ни в каком аспекте не справилась бы с вызовами немцев». (34)

Гланц дает доказательства, что войска не были знакомы с новым оружием, у ремонтно-тыловых служб армии был недостаточный опыт в согласованных операциях, и состояние подготовки новобранцев было неудовлетворительным. В 37-й танковой дивизии, например, «примерно 60 % призванных кадров пришли в армию только в мае 1941 года, и никто не получил общего или специализированного обучения». (35)

Гланц публикует анализ за июль 1941 года советского 15-го механизированного корпуса в первые дни боев, написанный заместителем его командиром, в котором этот офицер утверждает, что личный состав мотоциклетного полка корпуса еще ни разу не стрелял из винтовки. (36) В книге *Stumbling Colossus* упомянуто также, что «у большинства механиков-водителей танков KB и T-34 был опыт вождения всего от трех до пяти часов». (37) Так как Сталин знал о сомнительной ситуации своей армии, он искал дипломатических решений трудностей с Германией, делает вывод Гланц.

Американский профессор Роджер Риз приходит к выводу, что расширение армии с 1939 года «продолжалось в неистовом, если не демоническом темпе», преимущественно из-за страха перед Германией. Красная армия «изменяла единство своей организации противоречивым способом и перегруппи-

ровывала своих командиров, вызывая вследствие этого большую неразбериху, нестабильность и систематическую бессвязность». (38)

Книга Гланца особенно полезна для взвешивания перспективы самой новой имеющейся в распоряжении информации. Однако связанные факторы также следует учитывать. Тот факт, что Красная армия с 1939 по 1941 годы проходила трудный период реорганизации, модернизации и расширения, не помешал Сталину использовать ее как инструмент своей внешней политики. Вторжение в Польшу и оккупация балтийских республик и Бессарабии замедлили прогресс в улучшении армии. Зимняя война против Финляндии с 1939 по 1940 год стоила войскам четверть миллиона потерь и привела к широко распространившейся деморализации. Сталину в его планах не мешало то опустошительное влияние, которое оказывал советский империализм на трудящийся изо всех сил военный истеблишмент.

В итоге возникает вопрос: действительно ли советский генеральный штаб рассматривал тогда свои боевые части как недостаточно готовые? Почему тогда Жуков и Тимошенко, которые переоценивали немецкую силу, подготовили оперативный план для вторжения в Центральную Европу? «Нет непосредственного доказательства того, что Сталин когда-нибудь видел этот план», утверждает Гланц. (39) Но у оперативного плана была дата от 15 мая 1941 года, и он был адресован Сталину.

Российский историк полковник Валерий Данилов аргументирует, что абсурдно предполагать, что советский нарком обороны и начальник генерального штаба подготовили бы такой документ без того, чтобы предоставить его для ознакомления Сталину. Такое самовольное поведение офицеров в условиях советской политики равнялось бы серьезному наказанию и значило бы, что Сталин ошибался. Если принять во внимание чистку военной иерархии в 1937 году, сомнительно, что штабные офицеры пошли бы на риск противопоставить себя Сталину. (40) Куда убедительнее предположить, что разработка плана осуществлялась по его приказу.

Разногласия продолжатся, по меньшей мере, до того момента, когда прежние державы-союзники как Англия, Соединенные Штаты и Россия, правительства которых великодушно открыли немецкие военные документы, предоставят доступ общественности также к соответствующим материалам из их собственных архивов. Австрийская газета «Ди Прессе» от 4 апреля 1997 процитировала слова московского журналиста Константина Преображенского о ситуации с российскими архивами. «Архивисты снова предоставляют доступ к документам только тогда, когда это их устраивает. Жаль, что приходится наблюдать, как то, что было доступно вчера, сегодня закрывается снова». (41)

Примечания

- 1 Thadden, стр. 26-27
- 2 там же. стр. 29
- 3 Post, стр. 123
- 4 Thadden, стр. 88
- 5 там же. стр. 89-90
- 6 там же. стр. 99-100
- 7 Reese, стр. 35
- 8 Klüver, стр. 112
- 9 Glantz, стр. 33
- 10 Post, стр. 145
- 11 Klüver, стр. 106
- 12 Helmdach, стр. 15
- 13 Klüver, стр. 282
- 14 Post, стр. 184
- 15 там же. стр. 390
- 16 Klüver, стр. 259
- 17 там же
- 18 Glantz, стр. 293
- 19 Klüver, стр. 110
- 20 Post, стр. 293
- 21 там же. стр. 260
- 22 там же. стр. 282
- 23 там же. стр. 276
- 24 Thadden, стр. 105
- 25 там же. стр. 106
- 26 Post, стр. 277
- 27 Thadden, стр. 119
- 28 Suvorov, Viktor, «Who Was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin?»
- 29 Suvorov, Viktor, *Icebreaker*, стр. 141, 144
- 30 Post, стр. 298, 281
- 31 Glantz, стр. 96
- 32 Klüver, стр. 282
- 33 Post, стр. 298
- 34 Glantz, стр. 259
- 35 там же. стр. 142
- 36 там же. стр. 136
- 37 там же. стр. 135
- 38 Reese, стр. 163
- 39 Glantz, стр. 95
- 40 Thadden, стр. 133
- 41 Ertl, стр. 9

Библиография

Ertl, Karl Hans, *Das Unternehmen Barbarossa*, Rosenheim: dvg, 1997.

Glantz, David, *Stumbling Colossus*, Lawrence, KS: Kansas UP, 1998.

Helmdach, Erich, *Überfall? Berg am See*: Vowinckel, 1983.

Klüver, Max, *Präventivschlag 1941*, Leoni: Druffel, 1986.

Post, Walter, *Unternehmen Barbarossa*, Hamburg/Berlin/Bonn: Mittler, 1996.

Reese, Roger, *Stalin's Reluctant Soldiers*, Lawrence, KS: Kansas UP, 1996.

Suworow, Viktor, *Icebreaker*, London: Harnish Hamilton, 1990. [Deutsche Ausgabe: *Eisbrecher*, Stuttgart: Klett-Cotta, 2001.]

Suworow, Viktor, Who Was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin? *The Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies*, v. 130 no. 2, London, June 1985, S. 50-55.

Thadden, Adolf von, *Stalins Falle*, Rosenheim: dvg, 1996.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).